

В. Н. Ярхо

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ АТТИЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ОТРАЖЕНИИ ФРАГМЕНТОВ ДРЕВНЕЙ КОМЕДИИ

Характер комедии, как одного из наиболее активных в политическом отношении жанров, определяет ценность ее как источника для исследования социальных отношений в Афинах последней трети V в. до н. э. Однако этот источник, за исключением комедий Аристофана, до сих пор остается почти не использованным в исследованиях по социальной истории Афин.

Ставя вопрос об использовании древних комиков, дошедших до нас только в виде фрагментов, в качестве исторического источника, необходимо вкратце остановиться на выяснении социальных истоков комедии как жанра. Кроме обычных «классических» источников (Паросская хроника, сообщения Аристотеля и Афиней), для этой цели могут быть использованы также трактаты поздних латинских и византийских грамматиков, долгое время вызывавшие в науке недоверие и скептическое отношение к себе. Авторы указанных трактатов действительно страдают непониманием художественных особенностей древней комедии, допускают в этой области ряд неувязок и противоречий, но едва ли есть основания сомневаться в исторической достоверности их основного содержания. Ведь еще в конце прошлого века Кайбелем¹ было показано, что основной материал трактатов *περὶ κωμῳδίας* заимствован из хрестоматии Прокла, который использовал материалы эллинистического времени, а может быть, даже и современные Аристотелю. Со своей стороны, Зелинский, анализируя эти же *prolegomena*, счел возможным отнести источник некоторых сообщений анонимных трактатов (т. е. Прокла) еще к доаристотелевским временам, вероятно, к какой-нибудь из Аттид².

Известное свидетельство Аристотеля (*Poet.*, IV, 1449a, 9—11), что комедия возникла из импровизаций зачинателей фаллических песен, которые (песни) «в обычае еще и теперь», дает основание видеть зародыш комедии в фаллических песнях и культовых обрядах в честь Диониса — обрядах того типа, который в сжатом виде изображен в «Ахарнианах» (ст. 237—279). Невозможно оспаривать первоначальную связь комических вольностей с ритуалом, посвященным зиждательным силам природы, в котором немалое место могли занимать обценные заклинания. Но отдавая должное этим сторонам древнеаттической комедии и ее фольклорному происхождению, не следует упускать из поля зрения ряд моментов, исключительно важных для характеристики социальных корней комедии как жанра.

¹ G. K a i b e l, *Die Prolegomena περὶ κωμῳδίας*, «Abh. der Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen», т. II (1898), Phil.-hist. Kl.

² «Филолог. обозр.», XV (1898), кн. 1, разд. II, стр. 3—23.

Во-первых, ярко выраженный в греческой праздничной обрядности элемент инвективы. Так, выступление фаллофоров, входившее как составная часть в комос, включало в себя персональные сатирические нападки (см., например, Athen., XIV, 622). Элемент личных нападков был присущ и другим культовым обрядам — вспомним *γερουρισμοί*, «мостовую перебранку», которая происходила между участниками священной процессии, возвращавшейся из Элевсина, и толпой, ожидавшей ее на мосту через Кефис. Показательно при этом, что, по сообщению Гесихия, насмешки направлялись против «видных граждан» (εις τοὺς εὐδόξους πολίτας). Образец таких *γερουρισμοί* дает нам Аристофан в известном месте «Лягушек» (ст. 416 сл.). Такого же рода явление представляли *σκόμματα ἐξ ἀμαζῶν*, «издевки с повозок», входившие в обрядовый обиход Ануфестерий¹. Что касается литературной комедии, то Аристотель (Poet., V, 1449b, 5) указывает, что Кратет был первым из аттических комиков, который начал писать пьесы, ἀφέρμενος τῆς ἰαμβικῆς ἰδέας «отбросив элемент персональной насмешки». Отсюда видно, что Аристотель предполагал наличие этой *ἰαμβικῆς ἰδέας* в более ранних комедиях, тех самых, которые возникли ἀπο τῶν ἐξαρχόντων τὰ φαλλικά. Наконец, едва ли можно проигнорировать сходство, существующее в области фольклорных обрядовых функций, между фаллическими песнями греков, составившими зародыш комедии, и римскими фесценнинами². Гораций (Epist., II, 1, 145 слл.) говорит, что фесценнины, бывшие сначала безобидным культовым обрядом, стали использоваться для насмешки по адресу представителей «почтенных семей» (per honestas domos). Следовательно, и в римских обрядах, как в греческих инвективных песнях, объектом насмешки оказались люди знатные.

Во-вторых, из того же сообщения Аристотеля мы узнаем о деревенском происхождении комедии, исполнители которой длительное время не допускались даже в города (Poet., III, 1448a, 37 — 38)³. Насколько был продолжительным сельский период существования комедии и какой отпечаток он наложил на весь ее характер, лучше всего видно из многочисленных свидетельств, содержащихся в трактатах περὶ κωμῳδίας и в сообщениях латинских грамматиков. Большинство латинских и византийских грамматиков настойчиво связывают комедию с сельским образом жизни древних обитателей Аттики и относят ее зарождение к деревенским обрядам и праздникам. Это убеждение заставляет античных комментаторов ошибочно производить самое слово «комедия» от κῶμη «село», «деревня». Таковы свидетельства схолиаста к Дионисию Фракийскому, Цеца в предисловии к Ликофрону, глоссы Etymologicon magnum и других позднегреческих источников (CGF, I, стр. 7, 11, 16 и 34). Цец в одном из своих трактатов прямо называет комедию изобретением земледельцев (γερουρισμὸν εὐρημα). Латинские грамматики и комментаторы также связывают происхождение комедии с крестьянскими праздниками. Таковы сообщения Диомеда (Ars. gramm., III), Эванфия (de fabula < hoc est de comoedia >) и Доната, переводящего comoedia как cantica agrestia (CGF, т. I, стр. 57, 63, 67). Так как Диомед, Эванфий и Донат не могли черпать свои сведения у Прокла — по той простой причине, что они жили раньше него, — то остается предположить, что они, так же,

¹ И. И. Толстой, Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии, сб. «Академия наук СССР Н. Я. Марру», 1935, стр. 568.

² И. М. Тронский, История античной литературы, М.—Л., 1951, стр. 291—

292. ³ Ср. «История греческой литературы» под ред. С. И. Соболевского и др., М.—Л., 1946, стр. 428.

как и Прокл, пользовались каким-либо александрийским источником¹, или непосредственно, или в передаче Варрона, как это указывает сам Диомед. Добавим, наконец, что и сам Аристотель, сообщая в «Поэтике» о претензиях дорийцев на изобретение комедии, не дает окончательного ответа на вопрос, откуда произошло слово комедия — от *κωμῆζειν* или от *κωμῆ*.

Из сообщений наших источников можно сделать и третий вывод: инвективные песни, возникавшие в аттических деревнях, со временем стали орудием протеста крестьян против произвола богатых обидчиков, средством осмеяния и посярмления последних. Именно так представляет себе возникновение комедии схолиаст к «Τεχνη γραμματικη» Дионисия Фракийского, который считает Сусариона первым автором, облекшим крестьянские обличительные песни в форму *τῆς ἐμμέτρου κωμῆδιᾶς*. Рассказ схолиаста почти дословно переписан в одном из трактатов Цеца (CGF, I, стр. 17) и изложен стихами в другом, причем здесь земледельцы — создатели песен уже явно оказываются бедняками, (*πένυχτες*), а их обидчики — аттической знатью (CGF, VII, ст. 26 — 28)².

Версия о протестующих процессиях крестьян содержится также у римских грамматиков, причем и Диомед и Донат сравнивают *ludi vicinales*, от которых, по одному из этимологических объяснений, якобы произошла комедия, с римскими Компиталиями (CGF, I, стр. 57—58, 67). Между тем римские Компиталии были праздником сельского населения, и прежде всего занятых в сельском хозяйстве рабов; рабы пользовались во время них теми же преимуществами, что и во время Сатурналий. Если латинские грамматиком сравнивали греческие аграрные обряды, положившие, по их мнению, начало комедии, с Компиталиями, то следовательно, Диомед и Донат должны были хорошо понимать, против кого могли быть направлены насмешки, раздававшиеся на этом празднике.

Наконец, из преданий о Сусарионе — первом поэте, облекшем обличительные крестьянские песни в форму стихотворной комедии, можно извлечь четвертый вывод для исследования социальных истоков древней комедии. Наши сведения о Сусарионе весьма ограничены. Паросская хроника³ и Клемент Александрийский (CGF, I, стр. 77) называют его икарійцем, т. е. выходцем из Аттики. В ряде трактатов *περὶ κωμῆδιᾶς* ему приписывают следующие слова:

Ἄκουστε λέω. Σουσαρίων λέγει τάδε,
υἱὸς Φιλίνου Μεγαροθεν Τριποδίσκιος.

Вторая строка этого обращения вызывает сомнение: о принадлежности Сусариона к жителям Мегар из других источников ничего не известно. Но происхождение этой «мегарской» строчки легко понять: целлопоннеские дорийцы искони претендовали на то, что комедия является их изобретением, ссылаясь на распространение комедии в Истмийских Мегарах в результате происшедшего там демократического переворота (см. *Arist., Poet., III* и *schol. ad Eth. Nic., IV, 6*). Хотя подробности истории древних Мегар в VII—VI вв. до сих пор вызывают некоторые разногласия, все же, сопоставляя показания Фукидида (I, 126), Павсания (I, 28, 1), Аристотеля (*Polit., V, 4, 1305a* и *IV, 12, 10*) и Плутарха (*Quaest. Graec., 18*), можно

¹ Например, третья, самая ценная книга Диомеда обнаруживает явное сходство с так называемым Койслинианским трактатом, восходящим, вероятнее всего, к какому-нибудь источнику из перипатетической школы — см. CGF, X; RE, т. XI, XXI полумом, 1921, стр. 1207 и L. Cooper, *An Aristotelian theory of comedy*, Oxf, 1924.

² Ср. также анонимный трактат в дубнеровском издании схолий к Аристофану, P., 1855, стр. XVI, стк. 9—10.

³ F. Jakob y, *Das Marmor Parium*, B., 1904, стр. 13.

прийти к заключению, что после свержения в начале VI в. тирании Феагена и кратковременного господства олигархии власть перешла в руки демократии, которая сумела удержать ее примерно с 590 до 570 или 565 г. С другой стороны, сообщение Паросской хроники о Сусарионе относится к 581—560 гг. Очевидно, именно к этому времени и можно приурочить те первые шаги древнегреческой комедии, о которых сообщает Аристотель, и, таким образом, в Мегарах мы впервые наблюдаем явление, характерное впоследствии для Афин: комедия получает общественное признание в период господства демократии.

Но мегарской демократии не удалось занять прочных позиций и укрепить свою власть: на протяжении всего VI и V вв. в Мегарах происходят постоянные социальные конфликты, об остроте которых во второй половине VI в. мы можем судить по поэзии Феогида. Что же касается V в., то в этот период демократическая партия в Мегарах, повидимому, могла держаться только при поддержке со стороны Афин (Thuc., I, 103, 114; IV, 66, 74). Вероятно, именно поэтому мегарская комедия и не пошла дальше эпизодических сценок балаганного характера, о которых Аристофан и его современники отзывались с презрением¹. В Афинах обстоятельства сложились иначе.

В течение всего VI в., пока в Аттике происходит ожесточенная социальная борьба между реакционной родовой аристократией и силами поднимающейся демократии, комедия остается на положении любительских народных импровизаций. В города ее не пускают. Однако в начале V в. положение меняется. Демократия уже одержала крупную победу, проведя после свержения Писистратидов реформы Клисфена. В области идеологии результатом этих успехов явилось государственное оформление трагедии — художественного жанра, имевшего всенародное значение. Приблизилось благоприятное время и для комедии: впереди еще была борьба за уничтожение остатков политического влияния эвпатридов, еще должны были решиться вопросы о способах и методах сопротивления персидской экспансии, о месте в политической жизни страны ареопага — оплота аристократической реакции. Такая боевая и злободневная форма общественного сознания, как обличительная комедия, не могла остаться в стороне от бурного развития рабовладельческого общественного строя.

В 487 г. комедия получает доступ на государственные празднества Великих Дионисий. Начинается примерно столетний период древнеаттической комедии. Нет никаких оснований предполагать, что аттическая комедия, являвшаяся крестьянским жанром и по условиям возникновения и по своей социальной направленности, отступила от своих исконных идейных позиций, перешла, например, на службу к реакционным социальным группировкам, стала их оружием в борьбе с демократией, как это еще нередко утверждается². Достаточно представить себе состав зрителей на праздниках Великих Дионисий и Ленеев, чтобы понять, на кого должны были ориентироваться комические авторы, если они хотели иметь успех. Основную массу аттического населения почти до самого конца V в. составляли средние и мелкие землевладельцы, собственники парцеллярных земельных участков, поставлявшие кадры гоппитского ополчения. «...Форма свободной мелкой (парцеллярной) собственности крестьян,

¹ Aristoph., *Vesp.*, 54 сл. и схолии; *Pax.*, 741—742; *Acharn.*, 738; *Plut.*, 796 сл.; *Arist.*, *Eth. Nic.*, IV, 6, 1123a и схолии; *Ps.-Diog.*, III, 88; *Esrphant.*, fr. 2; *Eupol.*, fr. 244.

² См., например, В. П. Бузескул, *Введение в историю Греции*, Харьков, 1904, стр. 43; А. И. Тюменев, *Очерки экономической и социальной истории древней Греции*, II, 1922, т. II, стр. 168; В. С. Сергеев, *История древней Греции*, М., 1939, стр. 219; А. В. Мишулин, *Античная история Греции и Рима*, М., 1944, стр. 101.

ведущих самостоятельно свое хозяйство, ...составляет экономическое основание общества, в лучшие времена классической древности...», — указывал Маркс¹. Наиболее радикальные элементы демоса — матросы, гребцы, городская беднота, зачастую составлявшие большинство в народном собрании и способствовавшие проведению агрессивной внешней политики Афин, в дни всенародных празднеств оказывались в меньшинстве среди собравшихся со всех сторон Аттики крестьян. Именно здесь, в комедиях, представляемых на Дионисиях и Ленеях, аттический земледелец, привязанный обычно к своему участку, высказывал свое мнение о внешней и внутренней политике должностных лиц, стратегов, булевтов, послов и т. п. Иной вопрос, насколько эффективны были эти высказывания в политическом отношении: праздники кончались, крестьяне расходились по домам, вновь становились редкими посетителями народных собраний, и богатая рабовладельческая и торговая верхушка, пользуясь поддержкой городских слоев демоса, продолжала проводить свою политику. Но чем острее становились противоречия между интересами сельского и городского населения, тем все резче должна была выступать комедия в защиту крестьянства, тем озлобленнее должны были становиться ее нападки на те явления в общественной жизни Афин, которые шли вразрез с социальными интересами крестьянства. Таким образом, рассмотрение политической направленности произведений аттических комиков позволит сделать некоторые выводы о существе социальной позиции аттических средних и мелких землевладельцев.

К сожалению, история развития комедии до середины V в. почти неизвестна. Каково было содержание комедий Хioniда, Маггета, Экфантида, какой политической ориентации они придерживались, определить невозможно. Гораздо обильнее материал, охватывающий время от середины 30-х годов V в. до начала 80-х годов IV в., хотя, как известно, ни одной целой комедии ни одного комика, кроме Аристофана, не сохранилось. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет политическую оценку отдельных писателей и заставляет очень осторожно подходить к фрагментам, относительно которых сплошь да рядом неизвестно, кем и в каком контексте они произносились. С другой стороны, при чтении фрагментов древних комиков бросается в глаза значительное сходство не только их художественных приемов, но и идейных позиций. Объекты критики у Кратина, Гермиппа, Эвполида, Платона и других большей частью общие. Поэтому мы можем рассматривать древнюю комедию как целое, группируя материал фрагментов вокруг вопросов, которые получили в комедии наиболее яркое освещение.

Одной из самых замечательных черт древнеаттической комедии являются ее персональные инвективы против наиболее известных современных ей политических деятелей. Из дошедших до нас фрагментов первыми в хронологическом порядке следует рассмотреть нападки Кратина на Перикла, которые содержатся как в комедиях, написанных до начала Пелопоннесской войны, так и после начала ее, — в последних особенно яростные. К довоенному периоду могут быть отнесены с бесспорностью только два фрагмента из «Хиринов», один из «Фракиянок» и один из неизвестной комедии. В чем же, собственно, обвинялся в них Перикл? В одном из отрывков речь идет о том, что *στάσις* «смута» породила «великого тирана», *κεφαλαγήρητήν* — «головособирателя», т. е. Перикла (фр. 240²). В дру-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 369—370; ср. там же, т. XVII, стр. 368, прим. 24.

² Фрагменты, при которых нет дополнительных указаний, цитируются по изданию Т. Кока «Comicoium Atticorum fragmenta», т. I, Lpz, 1880.

гом Перикл назван «лукоголовым Зевсом», т. е. верховным владыкой, и содержится намек на какой-то грозивший ему остракизм (фр. 71). В третьем отрывке Кратин упрекает Перикла в том, что постройка Длинной стены осуществляется слишком медленно (фр. 300). Наконец, последний отрывок представляет довольно нелестную характеристику Аспасии как *καλλὰ καὶ κλοῦπιδα* «бесстыдной наложницы», причём Аспасия сравнивается с Герой, супругой верховного владыки богов Зевса (фр. 241).

Не приходится отрицать, что все это — явные выпады; но показательно, что Перикл не упрекается в излишней демократизации государственного строя, в потакании паразитическим настроениям охлоса и т. п., т. е. в том, что могло вызвать недовольство аристократической оппозиции. Не встречаем мы здесь и популярных в комедии обвинений по адресу руководителей демократии в казнокрадстве, корыстолюбии и т. п. Полемика Кратина с Периклом носила, видимо, политический характер: поэт называет Перикла тираном, верховным владыкой, сравнивает его с Зевсом. Акад. И. И. Толстой вполне основательно высказывает предположение, что во «Фракиянках» и в «Хиронах» Перикл изображался сумасбродным тираном (ИГЛ, I, стр. 434). Это согласуется и с известным сообщением Плутарха, что, по мнению авторов комедий, преобладание Перикла «не соответствовало демократическому строю...» (Pericl., 16; ср. Cratin., fr. 56). Но это вовсе не означает, что Кратин осуждал афинское государственное устройство, его демократические принципы или внешнюю политику афинян.

Начало Пелопоннесской войны, вторжение спартанцев в Аттику и опустошение сельских угодий, скопление беженцев в Афинах и недовольство сельского населения тактикой Перикла дают новый материал для комедий Кратина и других поэтов и придают им наредкость острый характер. Относительно безобидные нападки на Перикла и людей из его окружения переходят после начала войны в открытую враждебную агитацию против руководителя афинского государства. Главное обвинение, бросаемое Периклу, состоит в том, что он вовлек Афины в войну, а сам не принимает решительных мер для ее успешного ведения. С наибольшей отчетливостью это было выражено в комедии Кратина «Дионисалександр», о содержании которой можно теперь судить на основании краткого *ὑποθέσις*, обнаруженного в одном из папирусов¹. Совершенно очевидно, что, используя в форме травестийной комедии миф о похищении Елены и причинах Троянской войны, Кратин метил непосредственно в Перикла. Это видно как из деталей сюжета (ахейцы опустошают троянскую землю, как спартанцы в годы Пелопоннесской войны — аттическую), так и особенно из прямого указания, которым заканчивается изложение содержания комедии: «В этой пьесе очень убедительно высмеивается Перикл, так как намекается, что он навлек на афинян войну».

О том, насколько верно Кратин отражал в данном случае настроение широких кругов афинян — и в первую очередь, конечно, лишившихся своей земли селян, — можно судить по сообщению Фукидида (II, 21, 3), относящемуся к лету 431 г. Плутарх прямо указывает, что после первого вторжения спартанцев многие распевали насмешливые песни (*σάρματα*), порицая его (т. е. Перикла) стратегию как трусливую (Pericl., 33). Главным источником этих *σάρματα* были, конечно, комедии, среди которых не последнее место занимал «Дионисалександр» Кратина, поставленный на Ленеях 430 г. и, естественно, отразивший настроения селян в форме мифологической комедии. Такого рода художественный прием

¹ «Papyri Oxyrhynchii», т. IV, L., 1904, par. 563, стр. 69—72. О содержании комедии см. ИГЛ, т. I, стр. 435.

был применен Кратином в отношении того же Перикла вторично в комедии «Немесиды», поставленной в 429 г. Здесь Перикл был выведен уже под видом Зевса, Аспасия — под видом Немесиды, и подобно тому, как Зевс, согласно одному из вариантов мифа, подложил Леде яйцо, зачатое от него Немесидой, так якобы Перикл пытался протащить в афинское гражданство своего сына от Аспасии.

К этому же времени относится насмешливое обращение Гермиппа к Периклу в комедии «Мойры», поставленной на Дионисиях 430 г. Используя в применении к Периклу кратиновский образ «царя сатиров» Диониса, Гермипп говорит (фр. 46): «Царь сатиров, отчего же ты не хочешь поднять копье, но произносишь страшные слова о войне, а в душе оказался трусом? И когда точат на твердом оселке лезвие кинжала, ты скрежещешь зубами, испуганный пламенным Клеоном».

Из двух фрагментов Телеклида, содержащихся у Плутарха и относящихся, вероятно, тоже к 430 г.¹, в одном нет, собственно, никаких нападок на Перикла, а только констатируется, что народ доверял ему и позволял вершить дела государства и союзников по своему усмотрению (фр. 42); в другом (фр. 44) снова высмеивается большой размер «одиннадцатиместной» головы Перикла, из которой он иногда «производил огромное смятие». Полагают, что под этим надо также разуть «зловещую» роль Перикла в развязывании Пелопоннесской войны, которую он произвел из своей головы, как Зевс — Афины. Если это предположение и основательно, то оно все же ничего не прибавляет к характеру уже известных нам нападок на Перикла в «Дионисалексandre» Кратина и во фрагменте Гермиппа.

Наряду с Периклом, нападкам со стороны комиков подвергаются, естественно, люди из его окружения — Аспасия² и Лампон, предсказавший Периклу победу в политическом единоборстве с Фукидидом и принимавший активное участие в основании колонии Фурии³.

После смерти Перикла, когда политическое преобладание в Афинах переходит к радикальным слоям рабовладельческой демократии — крупным торговцам, владельцам рабовладельческих мастерских, использующим поддержку городской бедноты, матросов, гребцов, фетов, — комедия с новой силой обрушивается на руководителей этой прослойки именно потому, что они являются наиболее активными сторонниками политики продолжения войны. «Всадники» Аристофана особенно показательны в этом отношении, но и фрагменты других комиков представляют довольно обильный материал.

Первые в комедии сообщения о возрастающем влиянии Клеона еще при жизни Перикла содержатся у Гермиппа (фр. 42 и 46). Никакой оценки этот факт, однако, еще не получает. Затем, по свидетельству схолиаста к лукрианову «Тимону», в комедии «Σπίριτοι» (ок. 428—425 гг.) Кратин высмеивал одержимость Клеона (ἐκρημδεδίτο ἐπὶ μανίᾳ) и его тяжелый взгляд, сопровождаемый угрожающим движением бровей⁴. Несколько иронических замечаний по адресу всемогущего демагога встречаем у Эвполида (фр. 290, 308; может быть, также 404 и 456). Платон в комедии «Периаль», поставленной после 421 г., с гордостью вспоминал, что «сперва он предпринял войну против Клеона» (фр. 107); это отчасти подтверждается и сообщением схолиаста к ст. 303 аристофанова

¹ P. Geissler, Chronologie der altattischen Komödie, В., 1925, стр. 26; см. там же толкование фрагмента 43 Телеклида, остающегося попрежнему неясным.

² Cratin., fr. 241; Callias, fr. 15; значительно позже Eurpol., fr. 249 и 98.

³ Cratin., fr. 57—58, 62; Callias, fr. 14; Lysip., fr. 6.

⁴ «Scholia in Lucianum», ed. Rabe. Lips., 1906, стр. 116.

«Мира»: «Платон назвал его (Клеона) Кербером». В отношении Гипербола Кратин сначала (около 428—426 гг.) бросает ему упрек, что он не по годам рано стал выступать в народном собрании (фр. 262; ср. Eurpol., 238), затем в «Бутылке» (423 г.) советует изъять имя Гипербола из списков граждан, чтобы занести его в число мелких торговцев, подвигающихся в ламповом ряду (фр. 196) — первый выпад по адресу «низкого» (действительного или мнимого) происхождения Гипербола и занятия промыслом, недостойным свободного гражданина. После того как Гипербол становится *πρωστάτης τοῦ δήμου*, на него обрушиваются особенно яростные насмешки комедии. Эвполид ставит на Ленеях в 421 г. комедию «Марикант», прямо направленную против Гипербола, затем в 420—419 гг. появляются «Булочницы» Гермиппа и «Гипербол» Платона. О содержании этих комедий мы ничего не знаем, и по дошедшим отрывкам видно только, что Гипербол, с одной стороны, изображался человеком крайне «низкого», чуть ли не рабского происхождения (Plato, fr. 166, 168, 170), близким к компании клейменных преступников (фр. 187); Полидзел высмеивал его как варвара-фригийца (фр. 5), а Левкон в «Братьях» обвинял Гипербола в воровстве (фр. 1). Эвполид изображал его также неотесанным грубияном, наподобие аристофановского колбасника. Варварское имя Марикант, которым наделил Гипербола Эвполид, аналогично «пафлагонцу». Гермипп весьма нелестно характеризовал мать Гипербола как *σαπρὰ καὶ πᾶσι πόρνη καὶ κλέπτρινα* (фр. 10). С другой стороны, Гипербол признавался в том, что он, подобно современной болтливой молодежи, прошел науку *ἐν τοῖσι κουρεῖοις* (Eurpol., fr. 180), и способ, которым он действует в отношении наивного гражданина — совершенно софистический и демагогический (фр. 181).

Комедию «Клеофонт» Платон посвятил осмеянию известного представителя радикальной демократии, возглавлявшего афинскую политику в 410—404 гг. И здесь мы встречаем обвинения в «низком» происхождении (фр. 60) — как теперь выясняется, едва ли основательные¹, и в расхищении государственных средств (*ἀρπαγίστατος* — фр. 57, 58)².

Клеон, Гипербол и Клеофонт — наиболее известные, но не единственные демагоги, подвергающиеся нападкам комиков. Так, неоднократные обвинения в трусости раздаются по адресу Писандра в годы, когда он еще принадлежал к демократической партии (Eurpol., fr. 31; Hermip., fr. 9; Phryn., fr. 20). Недружелюбно характеризует Эвполид демагога Архедама (фр. 9 и 71), а Фриних (фр. 4 и 41), Платон (фр. 80 и 108) и Метаген (фр. 11) — демагога Мидия. Последний наделяется весьма выразительными эпитетами: *κόβελος, πτωχολάζων, πονηρός, συκοφάντης* и *τῶν δημοσίων νοσιφειτής* «льстец, кривляка, негодяй, кляузник и расхититель государственной казны». Все это — устойчивые элементы той характеристики, которая обычно сопутствует демагогам в комедиях 20—10 гг. V в. Еще в 387 г. у Платона встречается обвинение по адресу демагога Памфила в том, что он разворовывает государственную казну и притом еще занимается сутяжничеством (фр. 14).

Нападки комедии на Перикла, Клеона, Гипербола, Клеофонта и других лидеров демократии и являются тем главным аргументом, на основании которого рядом исследователей было сделано заключение об антидемократических (чтобы не сказать олигархических) убеждениях афинских комиков (см. прим. 2 на стр. 31). Поскольку, однако, не вызывает сомнений, что комедия обращалась ко всей массе афинских граждан, нуждаясь в поддержке большинства зрителей, и поскольку этим большинством являлись

¹ E. V a n d e r p o o l, Kleophon, «Hesperia», т. 21 (1952), № 2, стр. 114—115, табл. 31.

² Последние совершенно не обоснованы, ср. L y s., XIX, 48.

аттические средние и мелкие землевладельцы, возникает вывод, что аттическое крестьянство являлось социальной силой, враждебной афинской демократии и выступавшей против нее в союзе с олигархами¹. Однако в действительности дело обстояло значительно сложнее, и политическая программа древней комедии — очень противоречива, как противоречива и социальная позиция аттического крестьянства в период кризиса афинской рабовладельческой демократии.

Прежде всего, выпады комиков против Перикла еще не свидетельствуют о принципиальной враждебности Кратина, Гермиппа и других демократического режиму. В цитированных фрагментах и свидетельствах речь идет о совершенно конкретной ситуации — опустошении Аттики спартанцами в ходе Пелопоннесской войны, которое вызвало резкое недовольство в широких кругах селян. Вполне вероятно, что это недовольство усиленно поддерживалось лаконофилами из лагеря крупных землевладельцев, что возникла временная политическая коалиция между всадниками и мелкими землевладельцами, объединившимися в стремлении обезопасить свои поместья и участки от разорения. Резкое выступление комедии против Перикла, Клеона и других объясняется, следовательно, тем, что их военная политика выражала интересы более радикальной части рабовладельческой демократии, связанной с морем и торговлей и относительно мало обеспокоенной судьбой аттического земледелия. Политическим выступлением против основ демократического строя эти нападки комиков признать нельзя. Во-вторых, — и это особенно важно, — наряду с выпадами против отдельных руководителей радикальных слоев рабовладельческой демократии, в комедии видна совершенно явная заинтересованность в судьбах афинской демократической государственности в целом, поддержка ее основных принципов. Наиболее показательны в этом отношении две комедии Эвполида: «Демы» и «Города». О первой из них, поставленной в тяжелом для афинян 412 г., можно судить как по довольно многочисленным фрагментам, так, главным образом, по большому папирусному отрывку². Содержание «Демов» сводилось, как известно, к тому, что четверо афинских деятелей прошлого — Солон, Мильтиад, Аристид и Перикл прибивают из подземного царства в Афины, наблюдают здесь тяжелое внешнее и внутреннее положение государства, падение гражданской нравственности и дают своим соотечественникам благие советы. Однако в чем видят предки афинян несчастье родного города? Может быть, в том, что в Афинах господствует демократическая система государственного управления, что простой народ взял себе слишком много воли и притесняет знатных? Ведь несомненно, что именно с этой точки зрения должен был подойти к оценке положения, создавшегося в Афинах после сицилийской катастрофы и занятия Декелей спартанцами, сторонник олигархии. Больше чем когда бы то ни было, именно в это время была возможна антидемократическая агитация с комической сцены. И что же? Мы не находим в «Демах» ни малейшего намека на непригодность демократического строя, на необходимость его устранения, замены или что-либо тому подобное.

Цель, которая руководила Эвполидом при написании комедии, можно выразить словами одного из фрагментов: «чтобы воспрянул и расцвел город» (*ἀμβλυστονῆσαι καὶ γλοῆσαι τὴν πόλιν* — фр. 105). Вполне вероятно, что эту же цель ставили перед собой и выводимые им герои (Серебряный, ук. соч., стр. 468). Весь славный град Афины, повидимому, жаждет их

¹ См., например, «История философии», т. I, Госполитиздат, 1941, стр. 134.

² A. K ö r t e, Fragmente einer Handschrift der Demen, «Hermes», т. 47 (1912), стр. 276—313. В дальнейшем ссылки на папирусный текст даются по этому изданию. Ср. С. С р е б р н ы й, Δῆμοι Эвполида, ЖМНП, 1913, № 11, отд. класс. фил., стр. 447—473.

благотельного вмешательства (фр. 104). И вот великие законодатели и политики видят страшный ушадок общественной и гражданской нравственности. Власть забрали в свои руки демагоги, против одного из которых направлена антэпиррема комедии. Это — человек неаттического происхождения, который еще вчера не мог бы указать своих фраторов. Друзья его — из числа τῶν ἀπραγμάτων γέ πορῶν, а между тем он претендует на должность стратега (Pap. I verso). Словом, это человек такого рода, которого следовало бы с треском сжечь в качестве очистительной жертвы для отвращения гнева богов (фр. 120; ср. фр. 117, ст. 7—8). Достойными компаньонами бесчестных демагогов является блудливая и трусливая молодежь (μετράχια βιούβρενα, ἐν τοῖν σφύροισιν ἔλκοντα τὴν στρατῆριαν — фр. 100). Кто-то заклинает Мильтиада и Перикла не допускать эту публику к управлению государством (там же), из чего следует, что в действительности как раз эта «золотая» молодежь стремится командовать в государстве. Это картина, близко напоминающая выпады Аристофана по адресу риторически образованных молодых шеголей (ср. также Pherecr., fr. 2). Об их кумире Феаке (ср. Equit., 1377) Эвполид отзывался в «Демах» кратко, но выразительно: «Болтать мастер, но говорить не в состоянии» (фр. 95). Общую картину вырождения нравов довершает фигура сикофанта (III recto): изумленный Аристид, олицетворение честности и справедливости, с негодованием выслушивает, как сикофант шантажировал ни в чем не повинного, но зато богатого чужеземца и заработал на этой гнусной операции сто золотых статов. Из персональных выпадов отметим нелепую характеристику Демострата, одного из ярких сторонников сицилийской экспедиции (фр. 96 и 97, ср. Lysist., 397 и schol.), и Писандра, который обвиняется в вымогательстве взяток.

Вывод из всего этого тот, что нынешние демы стали гораздо хуже, чем во времена своей юности, когда государством руководил Солон и еще кто-то из воскресших мертвецов — вероятно, Аристид (II recto, 4—7). Это обычная в древнеаттической комедии апелляция к «эпохе отцов». Недаром среди «делегации» мертвых — Мильтиад, который клянется своей марафонской победой (фр. 90) и восхваляет современных ему стратегов¹. «Мы, старики, не так жили раньше, — говорит он, — но, прежде всего, стратеги у нас в государстве были из лучших домов, первые люди по богатству и знатности, которых мы почитали, как богов. Да они такими и были. Поэтому мы жили в безопасности. Ныне же, когда приходится, выбираем начальствовать над собой в стратеги дрянных людей» (фр. 117, стр. 3—8). Этот отрывок дает как будто основание упрекать Эвполида в аристократических симпатиях: поэт явно противопоставляет нынешним стратегам, лидерам радикальной демократии, богатым и родовитым стратегам-аристократам прошлого. Однако уважение к знатности рода ничуть не противоречит мировоззрению консервативных слоев афинской демократии, а, наоборот, целиком с ним согласуется. И у Эвполида противопоставлением «нынешних» стратегов прежним подчеркивается бескорыстие последних, в противоположность алчности и корыстолюбию первых (фр. 116). Разумеется, все остальные отрицательные явления современных Афин также подвергаются осуждению. Папирус обрывается на том месте, где Аристид изрекает свои заветы всем гражданам εἶναι δίκαιος (III verso, 20; ср. fr. 92).

В комедии «Города», поставленной на 10 лет раньше «Демов», мы встречаем, с одной стороны, те же мотивы: воспоминания о Мильтиаде, который оставил в наследство государству свою марафонскую победу (фр. 216);

¹ В распределении фрагментов между действующими лицами мы следуем большей частью за Сребрным, ук. соч.

жалобы на современных стратегов, которым в былые времена никто бы не доверил следить за тем, как разбавляют водой вино (фр. 205); наконец, грустная констатация, что Демос, который был раньше молод и красив, блистая, как огонь, теперь глух и немощен (фр. 213), чем, видимо, и пользуются его бессовестные руководители. С другой стороны, в «Городах» поднимается вопрос о взаимоотношении Афин с союзными государствами — и, насколько можно судить по фрагментам, решается вполне в духе афинской демократии. Во фрагменте 224 кто-то из действующих лиц жалуется, что у него не осталось даже горшка *ἄπορ χέτω*; во фрагменте 225 — негодующий вопрос: «испытывая такие бедствия, чтобы я даже не требовал продажи?» Видимо, в обоих случаях речь идет о тяжелой участи союзников, обиравемых и притесняемых афинянами. Но ни в этой комедии, ни в других, ни у одного афинского писателя мы не найдем протеста против эксплуататорской политики Афин по отношению к союзникам. Скорее наоборот — в тех же «Городах» мы встречаем похвалу по адресу послушного Хиоса, который без понукания посылает афинянам, когда необходимо, военные корабли и людей (фр. 232).

После поражения Афин комедия не остается равнодушной к этим событиям. В «Элладе или Островах» Платона слышится и жалоба Эллады, которая «стала сама такой бессильной»¹ в результате перенесенной войны, и скорбь афинян по поводу утраченного господства на море. «Либо ты это море отдашь добровольно, либо все погублю, потряхнув трезубцем», — грозит, судя по глаголу *συστραίψω*, сам Посейдон (фр. 24). Угроза обращена, повидимому, к спартанцам. С ней перекликается грустная констатация в комедии Деметрия «Сицилия» (фр. 2): «Лакедемоняне стены у нас разрушили и отобрали в качестве заложниц триеры, чтобы больше не подчинялись нашей власти на море пелопоннесцы».

Потребительское отношение к союзникам, составлявшее одну из отличительных черт афинской рабовладельческой демократии, получает своеобразное выражение и еще в одном плане — именно, в отношении к людям неафинского происхождения, которых комедия третирует как варваров и чужеземцев. Кратин во фрагменте 233 именует «бесстыдными чудовищами» (*κυνόβλα ἀναίδῆ*) трех граждан, которых кто-то ведет в гелиэю для судебного разбирательства их незаконного зачисления в афинское гражданство (ср. также schol. ad Av., 766). Бесконечным нападкам за свое неафинское происхождение подвергается у комиков трагический поэт Акестор, которого они называют то *ξένος*, то *στρατιάς*, то выходцем из фракийского племени саков, то мисийцем (schol. ad Av., 31; Eupol., fr., 159, ст. 14). Ср. также выпады против разных лиц, обвиняемых в чужеземном происхождении, у Телеклида (фр. 41), Фриниха (фр. 20), Эвполида (фр. 53), Платона (фр. 31).

Некоего Ликурга обвиняют в египетском происхождении и Кратин, и Ферекрат (schol. ad Av., 129¹). Характерно при этом замечание схолиаста, который сам как следует не знает, кто такой Ликург и почему его обзывают египтянином: «Нападает на него либо как на чужеземца, либо как на негодяя» (ср. Cratin., fr. 378). Для аттической комедии *ξένος* — это синоним ругательства, все равно, заслуженного или нет. Отношение комедии к чужеземцам свидетельствует об исторической ограниченности афинской демократии — ограниченности, которая вполне разделялась крестьянством, особенно ревниво относившимся к «чистоте» аттического народонаселения.

¹ R. Reitzenstein, Der Anfang des Lexikons des Photios, Lpz u. B., 1907, стр. 88, стк. 14.

Наконец, ряд фрагментов и сообщений свидетельствует, что комедия гордится морским могуществом Афин, принимает участие в обсуждении вопросов внешней политики и откликается на все перемены в судьбе афинской демократии. Так, в большом фрагменте (63) из комедии Гермиппа «Φορμόφοροι» («Несущие вязанки дров») с гордостью перечисляются товары, ввозимые со всего света в Афины: «из Кирены — рукоятки мечей и щиты из бычьей кожи, с берегов Геллеспонта — макрель и разная солонина, из Италии — пшеничная крупа и говядина; из Сиракуз доставляют свиней и сыр, из Египта — корабельные снасти, паруса, книги, из Сирии — благовония; прекрасный Крит шлет кипарис для богов, Ливия — много слоновой кости, Родос — изюм и пьянящие винные ягоды; из Фригии везут рабов, из Аркадии — наемников; из Пафлагонии — сладкие каштаны и сверкающий миндаль; Финикия доставляет финики и пшеничную муку, Карфаген — ковры и пестрые подушки». Не обходится здесь и без намеков на внешнеполитические отношения Афин: удовлетворение по случаю присоединения к афинянам фракийского царя Ситалка, ирония по адресу Пердикки II Македонского, которому не удалось посорить Ситалка с Афинами, и негодование по поводу «двоедушия» керкирян, которые между 431 и 425 гг. то были готовы поддерживать афинян, то снова отлагались от них. Внешнеполитические отношения Афин с Аргосом нашли отражение в комедии Ферекрата «Ἀδύστρολοι» («Перебежчики»), поставленной между 428 и 421 гг., или, может быть, точнее, около 425/424 г., когда переговоры Клеона с Аргосом с целью вовлечь его в афинскую коалицию не дали результатов. Здесь во фрагменте 19 содержалась брань по адресу аргосцев: «Эти-то, проклятые, колеблются, сидя у нас в ногах» (ср. Рах., 475—477 и schol.), а заодно, видимо, и по адресу ярых сторонников войны из числа афинян, которые в ответ на мирные предложения спартацев выставляли все более неприемлемые условия: «Вы-то всегда затягиваете петлю» (фр. 21). К первому десятилетию Пелопоннесской войны относится комедия Эвполида «Таксиархи», в которой на сцену выводился известный афинский флотоводец Формион, претерпевающий вместе с солдатами все тяготы войны (ἐπίπονος), — и по фрагментам 251 и 252, дополняемым сообщениями схолий к аристофанову «Миру», 347 и Свида («Φορμίον»), не чувствуется иронии или издевательства по адресу славного военачальника. Скорее можно говорить о проявлении известного сочувствия к его ратному труду.

Из всего этого можно сделать вывод, что устами древней комедии аттическое крестьянство высказывает свое принципиально положительное отношение к демократическому строю, хотя и представляет его себе в совершенно определенном свете. Из полувекового периода расцвета афинского государства между 480 и 431 гг. крестьянство охотно принимает все выгодные стороны — т. е. могущество и богатство Афин, взносы союзников, украшение города, пышные празднества и театральные представления — и отвергает все отрицательные явления, неизбежно связанные с развитием товарного обмена, торговли, выделением богатой торгово-ремесленной рабовладельческой верхушки.

Первое место среди этих явлений, подвергаемых в комедии уничтожающей критике, занимает неравномерное распределение богатства среди граждан полиса, обогащение одних за счет других, присвоение ими средств, принадлежащих всему народу. Отсюда — широко представленная в комедии от Экфангида (schol. ad Aristoph., Vesp., 1187) до последних пьес Платона антиплутократическая тема, выступление против неправедно разбогатевших, казнокрадов, корыстных должностных лиц и т. п.

Уже по фрагментам довоенных комедий Кратина создается довольно яркая картина, хотя в большинстве случаев трудно установить, кто яв-

ляется конкретным объектом нападок поэта. Во фрагменте 128, комедия «Νόμοι», Кратин, используя выражения Солона, упрекает граждан в том, что они одаряют любого льстеца; фрагменты 244 и 248 из «Хиронов» также направлены против стяжателей. Фрагмент 73 из «Фракиянок» повествует о заслугах каких-то людей или, может быть, даже самого поэта, который прекратил расхищение золота, привезенного из Египта¹. Ясно во всяком случае, что эти слова Кратина обращены против казнокрадов, запускающих руку в κοινόν δημόσιον, как и аналогичный по содержанию фрагмент 43 Ферекрата: «Прикажите в силу закона отдать назад золото». Взятчиков и сикофантов, наживающихся на чужой беде, Кратин высмеивал, видимо, также в песенке из комедии «Εὐνεΐδα», о которой упоминает во «Всадниках» Аристофан (ст. 529—530 и схол.). Ср. также фрагмент 401 из неизвестной комедии, приводимой Гесихием: Δεξώ — ὁ Κρατῖνος ὀνοματοποίησεν ἀπὸ τοῦ δέχεσθαι δῶρα.

В рамках этой же антишлютократической тематики следует рассмотреть одну из наиболее ярких комедий Кратина, завершавшую, видимо, его творчество довоенного периода, именно «Πλοῦτοι». Из папирусных фрагментов, опубликованных в 1934 г.², можно сделать заключение, что комедия была поставлена в самом начале Пелопоннесской войны. Темой пьесы являлось, повидимому, разоблачение разбогатевших дельцов, наживших состояние несправедливым путем, и противопоставление «нынешним временам» легендарной жизни древних при царе Кроносе, когда «хлебом играли в кости, а созревшие эгинские лепешки, осыпавшись, валялись обильными гроздьями в палестрах» (фр. 165, см. также фр. 160, 162—164). Название комедии происходило от имени обитателей подземного царства, титанов, живших при Кроносе и теперь дарующих людям богатство. Не исключено также, что «πλοῦτοι» — первоначально боги обильного урожая, элемент земледельческой религии³. Они выходят на поверхность земли для того, чтобы проверить, насколько справедливо богатеют люди. Под сомнением оказывается, в частности, Гагнон, стратег в 440/439 г., основатель колонии в Амфиполе. В то время как один из персонажей комедии берет под свою защиту Гагнона, как человека искони богатого, другой утверждает, что отец Гагнона, Никий из дема Стейрия, служил носильщиком у некоего Пифия, не мог оставить сыну никакого состояния и, следовательно, Гагнон принадлежит к числу богачей, нажившихся за счет казенных средств.

К числу таких выпадов против демагогов-богачей следует отнести и два фрагмента из комедии «Σερίφιοι», поставленной между 428 и 425 гг. «Затем приходят Сак, и Сидоний, и Эрэмб, — из числа людей, годящихся в рабы для государства, недавно нажившихся мошенников (ἀνδράων νεοπλουτοπονηρῶν), мерзких, подобных Андроклу...», — гласит фрагмент 208. Из реально существовавших афинских политических деятелей здесь назван только демагог Андрокл. Остальные имена — нарицательные, какими принято называть чужеземцев. Негодные люди — πονηροί, αἰσχροί — нажившиеся за счет государства, ἀμοροί [πόλεως ὀλεθροί] «высасывающие сок, губительные для государства» (фр. 214) — вот объект нападок Кратина.

Из отдельных выпадов других поэтов отметим фрагмент 278 Эвполида (против корыстолюбца, который остригает в свою пользу... взносы союзников, как цырюльник остригает бороду) и фрагмент 10 Метагена (обвинение Ликона в том, что он якобы за взятку предал спартамцам Навпакт;

¹ О каком золоте идет речь, неясно: Псамметтих в 445/4 г. прислал, как известно, хлеб, а не золото.

² См. обзор А. К ö r t e, AfP, т. XI (1935), стр. 260—263, №№ 808—809.

³ R. G o o s s e n s, Notes sur quelques papyrus littéraires, ChE, № 41 (1946), стр. 93—120.

его поведение — хороший пример для чужеземцев, как надо обкрадывать государство).

Наконец, о большой устойчивости антиплутократической темы в древней комедии свидетельствуют фрагменты комедии Платона «Послы», поставленной в 393/392 г. и содержащей обвинения в подкупе и взяточничестве по адресу известного политического деятеля конца V — начала IV в. Эпикрата (фр. 119—121)¹.

Классовые корни антиплутократических выступлений древней комедии с большой наглядностью выступают при сравнении точки зрения, содержащейся во фрагментах, с речами Лисия. Так, например, через всю его XXVII речь, направленную как раз против Эпикрата, проходит противопоставление честных граждан, разорившихся во время войны, искренним ораторам и демагогам, нажившим себе на государственных бедствиях состояние (см. особенно §§ 9—10).

Ту же антиплутократическую тенденцию легко различить в отношении комедии к аристократии, ее поведению и образу жизни. Наиболее яркий материал в этом отношении представляет комедия Эвполида «Льстецы», поставленная на Дионисиях 421 г. (Argum. Aristoph., Pax). Действие комедии происходило, видимо, в доме потомственного богача Каллия, известного в Афинах кутежами и расточительством (Andoc., I, 131; Athen., V, 218BC; schol. ad Av., 284). Каллий был изображен в окружении льстецов и паразитов (фр. 159, 161—163), на пиры у него тратились огромные деньги (фр. 149—150).

Одиозная фигура Каллия, олицетворяющая моральное вырождение аристократии (ср. Cratin., fr. 333), служит для Эвполида как бы центром, вокруг которого концентрируются люди, так или иначе связанные с афинскими богачами. Так, здесь мы встречаем друга Кимона, престарелого драматурга и элэгика Меланфия, которого комики единогласно высмеивают, как обжору, развратника, льстеца, неженку и болтуна². Специальную комедию Эвполид посвятил любимцу Каллия Автолику, победителю в панкратии на Великих Панафинейх 422 г. (Xen., Symp.; ср. Athen., V, 187 f, 188a, 216 de). Сам по себе Автолик являлся фигурой совершенно безобидной в политическом отношении. Наоборот, известна проявленная им впоследствии неустранимость перед лицом спартанских гармостов и его смерть от рук 30 тиранов (Plut., Lys., XV, 5; Diod., XIV, 5, 7; Paus., IX, 32, 8). Но он связан с домом Каллия, он близок в силу этого к аристократии — и вот на него самого, и на его отца Ликона, и на мать сыплются обвинения в самом циничном и неприкрытом разврате (Eurpol., fr. 42, 45, 47, 48, 52, 215).

Во фрагментах комиков мы найдем не лестные отзывы и о других представителях аристократии: так, Кимона за его лаконофильство Эвполид характеризует как «человека, хотя и не плохого, но беззаботного, пьяницу, подчас ночевавшего в Лакедемон» (фр. 208), Алкивиада обвиняет в противоестественных наклонностях (фр. 158, ср. Pherecr., fr. 155). Против Алкивиада была направлена также комедия Эвполида «Бапты». Восстановить содержание этой комедии не представляется возможным, но известно, что Алкивиад и его друзья обвинялись в совершении каких-то кощунственных богослужений в честь фракийской богини Коттито или в пародировании религиозных культов. Нападки Эвполида были, повидимому, настолько злы, что в древности даже возникла легенда, будто бы

¹ Сопоставление источников, со включением папирусных отрывков, проливающих свет на политическую карьеру Эпикрата, см. F. Stähelin, «Клио», т. V (1905), стр. 56—64.

² Eurpol., fr. 164; Pherecr., fr. 139; Plato, fr. 132; Callias, fr. 11; Leuc., fr. 2; Archip., fr. 28; ср. Aristoph., Pax, 804 сл. и Av., 151 schol.

поэт был утоплен по приказанию разгневанного Алкивиада (CGF, I, стр. 27—28). Пасмешки по адресу богатых людей, ведущих праздную жизнь, предающихся обжорству и разврату, мы найдем во фрагментах Кратина (фр. 151—152), Ферекрата (фр. 1), Платона (фр. 106 — среди названных здесь кутил особенно известен Леагор, отец ритора Андокида).

Всему сказанному об отношении комиков к аристократии противоречит как будто бы известное свидетельство Плутарха, что в «Архилохах» Кратина, поставленных вскоре после смерти Кимона, т. е. немногим позже 449 г., содержался похвальный отзыв об умершем. Во фрагменте 1 некий писец Метробий выражает свою печаль по поводу того, что нет в живых Кимона — «божественного и самого гостеприимного человека, во всех отношениях первого и наиболее благородного из всех эллинов». На основании этого фрагмента принято считать Кратина политическим сторонником Кимона и возглавляемой им аристократической партии. Доказать это, однако, трудно: в той же комедии «Архилохи» Кратин напал на известного богача Каллия (фр. 11), женатого на сестре Кимона Эльпинике.

Особый, и притом очень интересный вопрос, это отношение комедии к философам и риторам. Выступления комиков против новых течений в идейной жизни Афин не прекращаются в течение всей последней трети V в. Между 435 и 431 гг. появляется комедия Кратина «Всевидащие», направленная против философов, главным образом Гипсона (schol. ad Nub., 96). Во фрагменте 154 поэт называет философов *ἀλλοτριόγνοι*, т. е. «занимающиеся чужим делом», «сующие нос не в свои дела». Видимо, не случайно именно в этой комедии появляется некий Аристодем, *μικρός και χαταπύρον*, и еще какое-то лицо, к которому обращены следующие слова: *μικρὸς γὰρ τὰς γυναῖκας, πρὸς παιδικὰ δὲ τρέπῃ οὖν* (фр. 151, 152) — все это, конечно, представляется результатом философского воспитания. Между 429 и 423 гг. Эвполид выступает с комедией «Козы», в которой честный и простой козопас или земледелец, не сведущий в науках, противопоставлялся софисту Продику или Проному и, вероятно, посрамлял последнего. В 423 г. ставятся аристофановские «Облака» и комедия Амипсия (или Фриниха, выступавшего под именем Амипсия) «Конни», названная по имени кифариста Конна, обучавшего мусическому искусству Сократа. Трудно предположить, чтобы в этой комедии, где хор состоял из *φρονιστῆται* (Athen., V, 218c) и Сократ был одним из действующих лиц (Diog. Laert., II, 27), обошлось без нападков на него, если даже в «Бутылке» Кратина, поставленной одновременно с «Облаками» и «Конном», встречался выпад против растрепанного и нищего Хэрефонта (фр. 202). Март 421 г. — в уже упоминавшихся «Льстецах» Эвполида в окружение Каллия входят также Протагор, играющий роль симпозиарха среди беспутных гостей Каллия (фр. 146, 147), и тот же Хэрефонт, которого Эвполид называет «льстецом Каллия» (*Καλλίου κολακῆ* — фр. 165). Добавим к этому фрагменты 352, 353 и 361 из неизвестных комедий Эвполида. В одном случае Сократа называют нищим болтуном, который, размышляя о высоких материях, не заботится о том, где бы найти еду, а в другом случае сообщается, как тот же Сократ, распевая за столом схилий Стесихора, ухитрился украсть кубок.

Чем объяснить эти нападки комедии на философов, которая, как видно, к тому же не делает разницы между софистами и Сократом? Во-первых, тем, что элемент скептицизма и релятивизма, внесенный софистами в теорию познания и этику, объективно был направлен против консервативных мировоззренческих устоев афинской рабовладельческой демократии. Во-вторых, поскольку софистическое образование было привилегией богатых людей, основная масса демоса относилась к нему с недоверием и подозрением и склонна была видеть в нем средство для

обмана и одурачивания народа. Это убеждение подкреплялось и тем, что релятивистски используемая диалектика поступала на вооружение недобросовестных ораторов, употреблявших ее в корыстных целях¹.

Этим и объясняются, например, нападки на Эвафла, *ῥήτωρ συκοφαντής*, у Кратина во «Фракиянках» и Платона в «Писандре» (Aristoph., *Vesp.*, 592, schol.) — комедиях, отделенных примерно двадцатью годами друг от друга. Показательно при этом, что Эвафл действительно учился риторике у Протагора, и притом за большие деньги (Quintil., III, 1, 10), так как он был человеком богатым (Aul. Gell., V, 10), хотя и незнатного происхождения. Этим объясняется и употребительность образа *σκανδάλισθρος ἔπιον* («ловушки слов» — Cratin., фр. 457; ср. Aristoph., *Acharn.*, 685—688) и термина *κομψός* «изощренный», который применяется по отношению к людям, соприкоснувшимся с софистическим образованием и извлекшим из него средства надуть людей. Так, Гесикий и Фотий, ссылаясь на Кратина и Фриниха, объясняли *ἄκομψον* как *ἀπανουργόν, ἀπλοῦν, πανουργίας ἀπῆλλαγμένον*. У Эвполида в «Льстецах» *κομφοὶ ἄνδρες* (fr. 159) не кто иные, как паразиты. Именно потому, что красноречие — великая сила (Plato, fr. 51—53), для древней комедии понятие *ῥήτωρ*, т. е. публичный оратор, обученный мастерству красно говорить и использующий его в корыстных целях, почти всегда совпадает с понятием *πονηρός* (Plato, fr. 186). Исключение составлял только один Перикл, к ораторскому таланту которого комедия относилась всегда с неизменным восхищением (Cratin., fr. 293; Eurp., fr. 94).

В дополнение ко всему изложенному некоторый свет на социальную позицию аттического крестьянства в годы Пелопоннесской войны проливают и те немногочисленные фрагменты, по которым можно судить об отношении комедии к политическим деятелям олигархического направления. Так, известно, что против Писандра в годы его наибольшего могущества (416—411) была направлена одноименная комедия Платона, в которой, между прочим, высмеивался за корыстолюбие (*εἰς φιλαργυρίαν*) и Антифонт Рамнусийский, будущий коллега Писандра в правление «четырехсот» (фр. 103). В самый разгар деятельности олигархических гетерий в Афинах, когда двусмысленное поведение Писандра уже внушало серьезные опасения сторонникам демократии, Эвполид в «Демах» обвиняет Писандра в вымогательстве взяток (par. I recto, ст. 1—4). К 412—411 гг. относятся также выпады Эвполида (фр. 43) против стратега Аристарха, злейшего и давнишнего врага демократии (Thuc., VIII, 90), и Платона (фр. 141) — против одного из 10 *συγγραφεῖς* — члена чрезвычайной комиссии, созданной по настоянию Писандра для выработки олигархической конституции. Негодование афинян по поводу террористических методов, применявшихся Писандром в отношении захватываемых городов — союзников Афин, выразил в комедии 405/404 г. комический поэт Феопомп (Plut., *Lys.*, 13)².

¹ Показательна в этом отношении ироническая полемика с Платоном в одной из комедий Феопомпа, поставленной не ранее 380 г., т. е. относящейся уже, собственно, к периоду «средней» комедии: «Одно не есть одно, да и два с трудом составляет одно, как говорит Платон» (фр. 15; ср. «Федон», 96e — 97 v). Как было в этом разобраться простому человеку, если бы речь шла, скажем, об уплате долга или о росте процентов? Ср. также жалобы стариков на риторически образованную молодежь в «Ахарниях», ст. 679—691.

² Политические колебания Ферамена дали материал для комедии Филонида «Котурны» (фр. 6). По сохранившимся незначительным фрагментам невозможно, однако, понять, в каком направлении использовал поэт кличку «котурн», которой наградили Ферамена сами олигархи (X e n., Hell., II, 3, 30).

Таким образом, комедия выступает с одинаковой решительностью как против демагогов, так и против аристократов и олигархов, потому что и те и другие — богатые, потому что война, несущая разорение хозяйства мелкого собственника, для владельцев крупных ремесленных мастерских, для торговцев, купцов послужила средством обогащения. Комедия отражает антиплутократические тенденции аттического крестьянства, испытывавшего на себе все более тяжелые удары начинающегося кризиса афинской рабовладельческой государственности. Отсюда широко представленная в фрагментах древней комедии тема «золотого века», «царства Кроноса», «обетованной земли».

По свидетельству Афиней (VI, 267—269), теме «золотого века» были целиком посвящены такие комедии, поставленные в V в., как «Πλοῦτοι» Кратина, «Дикие» Кратета, «Амфиктионы» Телеклида, «Μεταλλῆς» Ферекрата, причем Афиней цитирует комедии в хронологическом порядке. Список открывается «Πλοῦτοι» Кратина, дата постановки которой была уже выше определена как 431 г. Следовательно, все остальные перечисленные здесь комедии поставлены примерно в первое десятилетие Пелопоннесской войны. Появление утопических картин былого блаженства именно в тяжелые военные годы, конечно, в высшей степени показательны. По содержанию дошедших до нас фрагментов можно понять, что поэты широко использовали распространенные мотивы народных сказок, рисующих либо картины блаженной жизни тех поколений, οἱς δὴ βασιλεὺς Κρόνος τὸ παλαιόν (Кратин, фр. 165), либо фантастическое изображение неведомых диких племен, обитателей подземного царства, горных духов, не знающих законов государственного общежития.

Наряду со стандартными картинами изобилия, относящегося к неопределенным временам или к недоступным местам и странам, мы встречаем в комедии Телеклида «Пританы» и более определенные указания на то, что «великолепная жизнь была при Фемистокле» (Athen., XII, 553e). Следует отметить, что Фемистокл и Мильтиад упоминаются всегда и в комедиях других авторов с величайшей симпатией — мы видели это уже в «Демах» Эвполида. В какой-то из комедий Платона Плутарх нашел проникновенные слова о гробнице Фемистокла, находящейся якобы в в Пирее (Themist., 32). Думается, что приурочение заманчивых картин «золотого века» к эпохе Фемистокла имеет свои основания: это были годы победного возвышения Афин, укрепления демократического строя, установления дани для союзников. В эти годы аттический земледелец брал от афинской демократии все, что она могла дать. Поэтому симпатии древней комедии к этим временам вполне закономерны.

Остается последний вопрос. Как реагировала плутократическая верхушка Афин на смелые выступления комедии, не шадившей даже самых видных политических деятелей? Источники показывают, что из среды богатых демагогов неоднократно исходили попытки обуздать вольность комедии. Из схолия к ст. 67 «Ахарнян» мы знаем о псефизме некоего Морихида, согласно которой комическим поэтам запрещались личные нападки на должностных лиц. вполне вероятно, что инициатором этой псефизмы был Перикл. Однако запрещение, введенное в действие в 439 г., продержалось недолго — в 437 оно отпало само собой (ср. Cratin., fr. 237). Другая попытка такого рода относится к 414 г. и связывается с именем демагога Сиракусия. О нем сообщает схолий к ст. 1297 «Птиц», в котором приводится отрывок из комедии Эвполида «Города». Там же имеется довольно красноречивое высказывание из комедии Фриниха «Монотроп»: «Пусть чесотка заберет Сиракусия... за то, что он отнял право высеивать, кого мы желали». Возможно, что на этого же Сиракусия намекает

Эвполид в «Демах» (par. 1 verso: τροχῶιδ[ίαν δέχεται])¹. Правда, в комедиях 414 г., в частности в тех же «Птицах» и «Монотропе», нет недостатка в персональных насмешках. Может быть, Сиракусию и не удалось провести свое предложение через народное собрание, но бесспорно, что и на этот раз попытка обуздать комедию исходила от верхов рабовладельческой демократии.

В комедиях Платона «Σχισαί» и Саннирия «Даная», относящихся к 407—404 гг., были осмеяны Архин и Агиррий (schol. ad Ran., 367), которые якобы стремились ущемить права комических поэтов за то, что последние высмеивали их в комедиях. Ср. с этим отзыв самого Аристофана в «Лягушках» (367—368). На основании сходя к 102 стиху «Экклезиастус» (ὁ Ἀγύρριος στρατηγός... τὸν μισθὸν τῶν ποιητῶν συνέτερε) можно полагать, что в обоих случаях имеется в виду демагог Агиррий.

В 400 г. была предпринята попытка лишить комических поэтов права на хор, причем инициатором этого выступил дифирамбический поэт Кинесий (Aristoph., Ran., 404 schol.; 153), известный своими аристократическими симпатиями (SIG³, 128) и слывший в Афинах за вольнодумца и безбожника, осквернителя алтаря богини Гекаты (Lys., XXI, 20 и фр. LIII по Тальгейму). Против Кинесия уже в самом начале IV в. была направлена одноименная комедия Страттида, который назвал Кинесия «хоробийцей» (χοροβίτης). Показательно, что и на этот раз стремление лишить комедию хора, являвшегося главным средством политического обличения, исходило от человека, близко связанного с богачами-аристократами.

Другие источники, как современные комедии, так и более поздние, также подтверждают, что выступления комических поэтов против видных демагогов не воспринимались массой зрителей как критика демократического строя. Достаточно сослаться на известное место из псевдоксенофоновой «Афинской политики» (II, 18) или на трактат ранневизантийского ученого Платония «О различении комедии», бесспорно восходящий к хорошим древним источникам. Указывая, что комедия развивалась в Афинах при демократическом строе с его исегорией, Платоний замечает, что поэты могли безбоязненно высмеивать «и стратегов, и плохо судящих судей, а из граждан — либо корыстолюбцев, либо ведущих невоздержанную жизнь (ἢ φιλαργύρους ἢ συζῶντας ἀσελγεία)». «Ведь мы знаем,— поясняет Платоний,— что народ искони, естественно, не расположен к богатым и радуется их неудачам» (CGF, I, стр. 3—4). Трудно дать более определенную характеристику социальной направленности древней комедии, тем более, что она подтверждается конкретным материалом фрагментов. И другие позднейшие комментаторы, характеризуя представителей древней комедии — Кратина, Аристофана, Эвполида, — подчеркивают в их творчестве, в первую очередь, антишлютократические тенденции. Таковы высказывания уже упоминавшихся сходя к Дионисию Фракийскому, одного из анонимных трактатов, римских грамматиков Диомеда и Эванфия (CGF, I, стр. 13, 14, 15, 41, 43, 47, 58, 64).

На основании фрагментов древнеаттических комиков времени Пелопоннесской войны можно, таким образом, сделать следующие выводы о политической позиции аттического крестьянства. Прежде всего, положение крестьянства было очень противоречиво. Средние и мелкие землевладельцы, составлявшие до начала войны основную массу аттического населения, были той социальной силой, которая отстояла родину от персидского нашествия. создала благоприятные условия для внутреннего расцвета афинского рабовладельческого государства. Крестьянство сохраняло заинтере-

¹ А. К ö r t e, «Hermes», 47 (1912), стр. 299.

сованность и в тех завоеваниях демократии, которые были обеспечены превосходством Афин на море. Как гражданин рабовладельческой республики, как участник эксплуатации рабского труда в государственных масштабах, аттический земледelec считает себя полноправным членом коллектива свободных собственников, иными словами — членом античного рабовладельческого полиса, покоящегося на основе своеобразной «совместной частной собственности активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации». Но «...все основывающееся на этом фундаменте строение общества, а вместе с ним и власть народа, приходят в упадок в той же мере, в какой развивается преимущественно недвижимая частная собственность»¹.

Началом этого упадка и является время Пелопоннесской войны. И поэтому крестьянство крайне резко выступает против концентрации крупных денежных средств в руках немногочисленных представителей, богатой рабовладельческой верхушки. Между тем, главный результат экономического развития Афин в годы Пелопоннесской войны состоял в том, что сосредоточение крупных средств в руках рабовладельческой верхушки подрывало единство полиса, способствовало разложению традиционной общественной морали и нравственности и в силу этого вызывало резкое осуждение со стороны аттического крестьянина, не переставшего еще чувствовать себя честным тружеником. Он выступает не против демократии как таковой (и меньше всего — против рабовладельческой, эксплуататорской демократии), он выступает против явлений, порожденных развитием товарно-денежных отношений и подрывающих натуральные основы крестьянского хозяйства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12—13.